

«В деревне», принятый газетой «Вечер» к печати, присовокупляя при этом, что я с 1902 года не пользовался ни пособием, ни ссудой Фонда ни на единую копейку. Я печатался и печатаюсь теперь в газетах, но в настоящее время, благодаря целому ряду тяжких семейных несчастий, семья родная, состоящая из 8 душ, на моем попечении находящаяся, находится *в ужасном бедственном положении*.

И. К. Гордик-1-й
11 августа
1908 года
СПб.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-86-105

© Н. Г. ОХОТИН

ДВА ИВАНА, ИЛИ СТРАСТЬ К ТЯЖБАМ*

«Казус Гордика» вызвал у журналистов 1900-х годов немало вопросов. Были ли знаменитый столичный плагиатор и скромный провинциальный литератор разными людьми, или один брат скрывался под маской другого? Если одноименных братьев было и впрямь двое, то осуществляли они свои «литературные проекты» независимо или действовали в сговоре? Откуда, наконец, взялись эти Гордики, и что представляли собой в реальной жизни, а не в литературном поле? «Сколько в действительности Гордики, — не разберет и сам квартальный», — недоумевал А. А. Измайлов, ослабивший эту фамилию в своей пародийной балладе.¹

Следует, однако, признать, что никаких определенных ответов современники не получили, а литературоведы последующих поколений фигурой Гордика интересоваться и вовсе перестали, в случае комментаторской нужды просто отсылая к материалам былых журнальных полемик и плодя при этом старые ошибки и новые вопросы. Даже многотомный словарь «Русские писатели: 1800–1917», обычно милостивый к маргиналам, И. К. Гордика ни в каком качестве не упоминает.

Ничего удивительного в этом, впрочем, нет — любой исследователь, решивший взяться за жизнеописание Гордика(ов), сталкивается с редкостным обилием фактических противоречий и с крайней бедностью источников для разъяснения этих несообразностей. Если принять версию двойственности Гордики, то, с одной стороны, сравнительно легко выявляется набор биографических сведений, в общих чертах характеризующих жизнь обычного провинциального учителя и чиновника, иногда пописывающего невзыскательные рассказы, многодетного семьянина, лояльного гражданина, — т. е. среднего человека эпохи, который легко вписывается в социальную матрицу и этой матрицей, в общем-то, достаточно полно описывается. Это Иван Каллистратович Гордик-второй, брат младший. С другой стороны, вырисовывается силуэт литературного мошенника и скандалиста, матерого кляузника и вы-

* Приношу искреннюю благодарность А. С. Александрову за щедрый обмен информацией и благожелательную атмосферу сотрудничества. Автор весьма признателен А. В. Борзенко за участие в розыске метрических записей семейства Гордики в архивах восточной Украины, а также Т. Р. Рубель за помощь в анализе полицейского досье Гордика-первого (ГА РФ).

¹ Измайлов А. А. Стихотворения. СПб., 1905. С. 126.

могателя, прожектора-махинатора, человека, биография которого по внешности состоит сплошь из эксцессов, но не имеет никаких институциональных и бытовых привязок. Это Иван Каллистратович Гордик-первый, брат старший.

Биография одного из субъектов, Гордика-второго, последовательно документируется — формулярным списком, анкетами, указаниями на семейный статус и владение имуществом, наградными листами, присутствием в перечнях избирателей и т. п. Отрывочные и путанные сведения о жизни другого, Гордика-первого, мы узнаем преимущественно из его собственных сообщений, прагматика которых (что-нибудь выпросить, на кого-нибудь пожаловаться или в чем-либо оправдаться) сильно искажает содержащуюся в них информацию. Но, как назло, прямых улик, которые помогли бы однозначно развести или отождествить эти личности, долгое время обрести не удавалось. Метрические книги церковей города Орехова за годы рождения предполагаемых братьев утрачены; их более или менее синхронные автографы, потребные для сличения почерков, не сохранились, а разделенные десятилетиями — не дают оснований для категорических заключений. Более того, большинство фактов из биографии братьев, добытых в начале нашего расследования, находились в своего рода дополнительной дистрибуции, и можно было легко сделать вывод, что все известные события при всем их разнообразии — события из жизни одного человека, а не двух. Свою лепту в это представление внес и «верховный квартальный» — Департамент полиции Министерства внутренних дел, объединивший в одном досе документы на тезоименных Гордикиных и не сделавший даже робкой попытки как-то их различить.² В результате у автора расследования сложилась соблазнительная, хоть отчасти и конспирологическая концепция о скромном чиновнике, ведущем тайную жизнь литературного (и не только) афериста. Ведь недаром же некоторые современные наблюдатели говорили о «двойничестве» Гордикиных и в параллель приводили классические сюжеты о доппельгангерах.

Однако эффектная история о Гордике-Джекиле и Гордике-Хайде, увы, так и не сложилась: нашлись новые документальные детали, доказывающие одновременное и реальное бытие двух братьев. Ключом к окончательному разграничению индивидуумов послужило их самоназвание в различных документах. Касаясь своей биографии, Гордик-второй (младший) часто именовал себя «народным учителем»; так же называют его в метрических записях о детях и в иных материалах. Гордик же первый (старший) неизменно величает себя «имеющим должность уездного учителя». Казалось бы, разница невелика — просто формальное и разговорное название одной должности. Но это не так: «народный учитель», действительно, термин неформальный, его официальный эквивалент — учитель «начального народного училища» (чаще всего это были сельские училища, содержащиеся на деньги местного сообщества). А статус учителя «уездного училища» выше, он дает право преподавать не только в сельских, но и в любых, в том числе городских училищах уездного уровня, т. е. в школе следующей ступени. Поскольку братья Гордики начинали свою педагогическую карьеру примерно в одно время и служили, скорее всего, в пределах одного учебного округа, в материалах этого округа неминуемо должно было фиксироваться их одновременное присутствие в разных учебных заведениях. И это ожидание оправдалось: в ведомственных изданиях Одесского учебного округа 1880-х годов мы несколько раз встречаем обоих Гордикиных, в одно и то же время служащих в разных уездах Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний, которые входили в Одесский округ

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 135. Д. 9. Ч. 13. Лит. Е (1897–1905).

(подробнее о педагогической службе Гордиких см. ниже). Это существенное наблюдение подкрепилось затем материалами канцелярии Таврического губернатора, где указывалось, в частности, о наличии у Гордика-первого родного брата, «служащего по казенной продаже вина» (1898).³

Твердая и документально подтвержденная убежденность в существовании двух братьев Гордиких позволяет теперь перейти к их «сравнительному жизнеописанию», несмотря на то, что о Гордике-первом мы по-прежнему знаем много меньше, чем о Гордике-втором; сведения о его жизни весьма отрывочны, а некоторые факты, известные только с его слов, вызывают сильное сомнение.

Подробности жизнеописания «малых сих» подчас настолько рутинны и ничтожны, что вряд ли способны вызвать большой интерес у читателя, но, единожды призвав из небытия этих беспокойных духов, мы не вправе пренебречь немногими известными фактами жизни Гордиких, даже далекими от литературных баталий, послуживших импульсом к проведению биографического расследования (оговорим, кстати, что в дальнейшем повествовании не будет детально освещаться литературная и окололитературная деятельность братьев — она весьма подробно описана в помещенной выше статье А. С. Александрова, на которую, тем не менее, нам придется неоднократно ссылаться).

Орехов, заштатный город Бердянского уезда, в 60-х годах XIX века был одним из самых незначительных городских поселений Таврической губернии.⁴ Расположенный на теряющем значение степном шляхе в Крым, вдали от крупных водных (Днепровского и Азовского), а впоследствии и железнодорожных путей, город жил в основном ремеслами и переработкой сельскохозяйственной продукции местного производства. Население его (около 4,5 тыс. чел.) в то время составляли преимущественно украинцы, кроме того, существовала небольшая еврейская община и постепенно растущая колония немцев-меннонитов. Небогатое мещанство, живущее ремеслом, мелкой торговлей и плодами приусадебной земли, составляло сословную основу городка; к этому следует добавить крестьян окрестных слобод, немногочисленное купечество (не выше 3-й гильдии), еще более малочисленных представителей гражданской и военной администрации да десятков другой «интеллигентов» — духовных лиц, учителей и врачей.

Семейство Гордиких, кажется, ничем не выделялось среди ореховского мещанского большинства. Деревянный одноэтажный дом, небольшой усадебный участок, конюшня, где держали не только своих лошадей, но и сдавали денники для казенных. У Каллистрата Семеновича и Афанасии Сергеевны было (вернее, дожило до совершеннолетия) пятеро детей — трое сыновей и две дочери. Два Ивана появились на свет последними. Точная дата рождения Ивана-младшего нам известна — 23 августа 1866 года.⁵ Иван-старший родился, видимо, годом раньше: в одном из своих позднейших прошений, датированном маем 1899 года, он писал, что ему исполнилось 34 года;⁶ если

³ ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 26. Оп. 2. № 3641 (1895–1900). Л. 24. В семье Гордиких был еще один, старший брат Семен, однако к этому времени его уже не было в живых.

⁴ Характеристику Орехова в интересующую нас эпоху см., например: Городские поселения Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 739–741; Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1867. Т. 3. С. 710. Более пространную историю города см.: Харлан О. В. Историко-містобудівні дослідження міста Оріхова // Музейний вісник. Запоріжжя, 2018. Вип. 18. С. 104–116.

⁵ ЦГАМ (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 43. Дата подтверждается и другими источниками.

⁶ ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. № 3641. Л. 69.

учесть, что его старшая сестра Евдокия родилась 1 марта 1864-го,⁷ то рождение Ивана-старшего следует приурочить, скорее всего, к весне 1865 года. Мотивы дать братьям-погодкам одно имя (родовые традиции? каприз родителей? настояние священника?) остаются скрытыми от нас, однако именно это нетривиальное решение через десятилетия приведет к возникновению громкого литературного скандала.

О детстве, проведенном братьями в Орехове, мы практически ничего не знаем, кроме того, что они относительно рано лишились отца, но можно предположить, что оба закончили местную церковно-приходскую школу (первое начальное училище открылось в Орехове лишь в 1882 году). На этом образовательные дороги братьев Гордиких расходятся, хотя оба они в дальнейшем выберут педагогическую стезю. Гордик-старший, видимо, постигал курс средней школы самостоятельно — во всяком случае при вступлении осенью 1887 года в первую должность уездного учителя его образование квалифицировалось как «домашнее».⁸ Но еще летом 1882 года, едва семнадцатилетним, он держал экзамен на получение этого вожеленного звания в педсовете Таганрогской гимназии, правда, с неудовлетворительным результатом.⁹ Гордик же младший в 14 лет поступил в учительскую семинарию, располагавшуюся в селе Преслав под Бердянском, и окончил ее через четыре года (вместо положенных трех), претендуя на более скромное звание учителя начального народного училища. Первую педагогическую должность (помощник учителя в народном училище с. Большая Лепатиха Мелитопольского уезда) Гордик-младший занял 1 сентября 1884 года, на три года опережая в стаже старшего брата, однако полноценным учителем стал лишь в следующем учебном году.¹⁰ Первое место службы в карьере Гордика-старшего — Херсонское городское начальное училище на Музыкальных хуторах, при назначении куда ему был положен оклад жалованья в 350 рублей годовых (на 50 руб. больше, чем получал в это время младший брат¹¹).

Следя за передвижениями братьев по школам Одесского учебного округа, трудно не заметить, что карьера младшего брата на протяжении всех 12 лет учительства (1884–1896)¹² развивается устойчиво, его положение постепенно улучшается; школы, где он служит, становятся престижнее и располагаются все ближе к уездным центрам, да и сам он явно прилагает усилия для своего служебного продвижения (например, повышает квалификацию, заканчивая в 1887 году специальные педагогические курсы). Основной мотивацией к выбору стратегии «умеренность и аккуратность» являлась, видимо, ранняя женитьба Гордика-младшего: в конце 1887 года он обвенчался со своей коллегой-учительницей Екатериной Матвеевной Петровой, и в семье с завидной регулярностью стали появляться дети.¹³ На установки «служить отлично,

⁷ ДАЗО (Державный архив Запорожской области). Ф. 135. Оп. 1. № 21. Л. 19.

⁸ Справочная книга Одесского учебного округа. Одесса, 1888. Ч. 1. Начальные народные училища. Вып. 1. Херсонская дирекция. С. 18. По контексту сообщения можно понять, что соответствующее звание получено им незадолго до определения на службу.

⁹ Циркуляры по управлению Одесским учебным округом. 1882. № 9. С. 274.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 43.

¹¹ Справочная книга Одесского учебного округа. Ч. 1. Вып. 4. Таврическая дирекция. С. 88.

¹² Белый список своих служебных позиций Гордик-младший привел потом в открытом письме, где отрекся от литературных афер своего старшего брата (Приазовский край. 1903. 25 февр. № 52. С. 3). Выстраиваем этот перечень в хронологическом порядке, по возможности снабдив датировками: начальные училища сел Мелитопольского уезда Таврической губ. Большая Лепатиха (1884–1886), Верхняя Белозерка (2-е училище; 1887–1888) и Ново-Николаевка (1888–1889); с конца 1889-го — село Большая Екатериновка близ уездного города Александровска (ныне Запорожье) Екатеринославской губ., где учительствовал до отставки в середине 1896 года.

¹³ От этого брака родилось по крайней мере восемь детей, двое из них (первая Вера и Татьяна) умерли во младенчестве: Вера (16.09.1888); Григорий (31.07.1890); близнецы Екатерина

благородно»¹⁴ повлиял, вероятно, и эпизод времен учительства в Большой Лепатихе, интересный нам и потому, что в этих событиях принимал участие его старший брат.

В декабре 1885 года 19-летний Гордик-младший, только что утвержденный в должности учителя, на сходе больше-лепатихинского крестьянского «общества» был избран по совместительству сельским писарем. Эта земская должность включала не только обязанности технического письмоводителя — писарь по обязанности был в курсе дел сельского самоуправления, в том числе финансовых, и в какой-то степени мог влиять на решения правления, извлекая из этого, в частности, и собственные выгоды. Можно предположить, что кандидатуру заведомо несамостоятельного юноши-учителя, к тому же чужака, предложила какая-то из сельских фракций, чтобы иметь дополнительные рычаги воздействия на политику правления. Однако вскоре выборы были опротестованы: противники нового писаря утверждали, что кворума на выборном собрании не было, а явились туда преимущественно сторонники одной фракции. В апреле 1886 года уездное присутствие по крестьянским делам отстранило Гордика-младшего от должности писаря, «как неблагонадежного», а в декабре решение это было утверждено губернатором. Тяжба дошла до второго крестьянского департамента Сената, который в 1888 году признал правильность увольнения писаря-совместителя.¹⁵ Но молодого учителя к этому времени в селе уже давно не было — оказавшись в центре скандала, он счел за лучшее уехать на курсы, а затем поступил в другую сельскую школу, подальше от Лепатихи.

В описанном эпизоде есть одна, незначительная на первый взгляд, деталь, к которой стоило бы присмотреться повнимательней. В документах сенатского дела указывается, что на пресловутом выборном сходе присутствовал Гордик-старший, который, находясь в толпе, активно агитировал в пользу младшего брата и «устраивал беспорядки». Эта братская помощь заставляет очень осторожно предположить, что Гордику-первому прерогативы и выгоды писарской должности были к этому времени уже известны. В своих позднейших письмах и ходатайствах он неоднократно ссылался на свой писарский опыт в сельском и даже в волостном масштабе. Конечно, такой опыт мог быть наработан отчасти и в учительские годы, но не исключено, что в период самообразования и подготовки к учительскому званию Гордик-старший подрабатывал писарем или хотя бы письмоводителем в разных сельских правлениях. Вполне возможно, что первые навыки бюрократического крючкотворства, которые потом нередко поражали чиновников, сформировались именно в доучительский период его биографии.

Но вернемся к педагогической карьере старшего брата. Подробностей о его перемещениях известно мало. Начав в сентябре 1887 года со службы в городском училище на окраине Херсона, в конце следующего он, оставаясь в звании уездного учителя, занимает место уже ступенькой ниже — в сельском начальном училище села Старая Маячка Днепровского уезда.¹⁶ В даль-

и Татьяна (20.09.1892); Дмитрий (13.03.1894); Вера (01.10.1896); Сергей (14.09.1898); Евгений (10.10.1901 или 1902). См.: ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 43; ДАЗО. Ф. 5593. Оп. 2. № 227. Л. 35; Ф. 140. Оп. 1. № 41. Л. 33; Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Київ, 2007. Т. 2. С. 146.

¹⁴ Строго говоря, служба сельских учителей не была «благородной» — имевшие лишь среднее образование, они не числились в государственной службе и не получали классов чинов и соответствующих привилегий.

¹⁵ Сенатское расследование, где излагаются все перипетии дела, см.: РГИА. Ф. 1344. Оп. 10. № 1135.

¹⁶ Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1888 год. Бердянск, 1889. С. 23.

нейшем преподавательская стезя становилась, очевидно, все тернистее, и последняя рабочая позиция Гордика-старшего — помощник сельского учителя, с которой его уволили безвозвратно в середине 1895 года. Причины неудач, по мнению начальства, таились в характере Гордика. Это, в частности, следует из справки, составленной чиновником Департамента полиции В. И. Дидрихом 18 августа 1897 года: «В 1895 году в Департаменте полиции было получено заявление помощника сельского учителя Ивана Калистратова Гордика о существующем в с. Чернухино, Екатеринославской губернии тайном сообществе среди местной сельской администрации. При проверке указанные сведения оказались неверными. Сообщая о сем Департаменту полиции, начальник Екатеринославского губернского жандармского управления добавил, что „Иван Гордик, по мнению Дирекции народных училищ, — личность крайне нервная и неуживчивая. Он был в нескольких школах Екатеринославского уезда в качестве учителя, но по неуживчивости был перемещаем из одной школы в другую и наконец вовсе удален; затем вследствие усиленных его просьб, директор училищ предоставил ему место помощника сельского учителя в с. Чернухине. Но 6-го июня 1895 года он удален и из этого последнего места, с тем, чтобы более не назначать его на учительские места, так как и здесь своею строптивостью и жалобами успел возбудить против себя неудовольствие. За всем тем Гордик человек безукоризненной нравственности и честности и ведет знакомство только с местным священником“». ¹⁷

С последним тезисом записки вряд ли согласились бы журналисты и писатели, на своей шкуре познавшие моральные качества Гордика-плагиатора. В остальном же приведенная характеристика (даже если сделать поправку на раздражение училищного начальства и обычную предвзятость полиции) довольно верно отражает нравственные и поведенческие черты героя. Конфликтность, склонность к ложным обвинениям и доносам, ненависть к вышестоящим и в то же время готовность унижаться перед ними, внешний ригоризм, маскирующий лицемерие и нечистоплотность, — все это мы еще не раз увидим в его писаниях и поступках.

Итак, завершение учительской карьеры братьев Гордикиных происходило по-разному, но примерно в одно время — Гордика-старшего принудительно увольняют летом 1895-го, его младший брат добровольно уходит в отставку летом следующего, 1896 года. С этого времени жизненные пути братьев резко расходятся, поэтому параллельно отслеживать их биографические траектории и составлять жизнеописания тоже придется порознь.

Начнем по старшинству.

Вернувшись в Орехов, Гордик-старший поселился в родовом доме, которого был совладельцем, и где кроме него жила старуха-мать и незамужняя сестра. В основном бывшему учителю приходилось жить на иждивении и без того небогатой родни, ибо никаких собственных средств к существованию у него не было, а поиски нового учительского места результатов не приносили. ¹⁸ Однако довольно скоро ему удалось освоить амплуа «добровольного ходатая по делам», или, как их часто называли законники, «подпольного адвоката», за небольшой

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 135. Д. 9. Ч. 13. Лит. Е. Л. 12 об. — 13. Удивительно, что к этой справке Дидрих приложил анкету (л. 12), заполненную на младшего брата, работающего конторщиком на Верхнеднепровском винном складе (на момент составления документов Гордик-второй уже был перемещен с этой должности).

¹⁸ Ср., например, безуспешное ходатайство тридцати ореховских обывателей о предоставлении Гордику-старшему места учителя рисования, черчения и чистописания в местном начальном училище (Там же. Л. 53–53 об.; прошение, кстати сказать, было составлено и переписано самим Гордиком).

гонорар составлявшего жалобы и прошения для малограмотных крестьян, которые вели какие-либо имущественные или поземельные тяжбы с соседями, сельским обществом или с начальством. Приведем характеристику ходатаев («крапивного семени»), данную юристом-современником: «Состав ходатаев поражает своим крайним разнообразием. Тут вы встретите неудачника-студента, спившегося с кругу, прогнанных со службы за разные „добродетели“ волостного писаря и урядника, уволенного по „домашним обстоятельствам“ чиновника, мелкого лавочника, разночинца, человека без определенной профессии, с сомнительным прошлым... И, за немногими исключениями, всем этим отбросам всевозможных слоев общества свойственно одно и то же качество: крайне низкий уровень нравственности, благодаря которому, при вечном стремлении к легкой наживе, они составляют истинный бич для беднейшего, темного люда, страшно обирают его и, в то же время, вносят в его среду крайнюю деморализацию. Подобно ищейкам они без устали шныряют, постоянно возбуждают массу к сутяжничеству, ябеде, шантажу, мошенничеству. Постоянно осторожные, действуя исподволь, негласно, путем подговоров, они всегда остаются в стороне, в тени, почти всегда оказываются с формальной точки зрения правыми, сплошь и рядом избегают всякой ответственности и, поощряемые успехами, доводят свои хищения до цинизма, до поражающих размеров».¹⁹

К этому почтенному сообществу примкнул и наш отставной учитель. И хотя подобная деятельность была относительно безопасна и должна была приносить какой-никакой заработок, для Гордика-старшего она обернулась сплошными неприятностями, поскольку он не стал ограничиваться юридической помощью мелким тяжбщикам, но обернул свои навыки и недюжинную энергию против «отцов города». Война Гордика с городскими властями продолжалась — с переменным успехом — три с лишним года, пока наконец терпение одной из сторон не истощилось полностью. В начале 1899 года уездный земский начальник, В. А. Сомов, обратился с жалобой к Таврическому губернатору, П. М. Лазареву, а тот в свою очередь отнесся в Департамент полиции МВД. В губернаторской записке личность и деятельность Гордика описывалась весьма красочно: «Определенных занятий Гордик не имеет и снискивает себе средства к жизни исключительно составлением разных клеузных прошений и жалоб, для чего выезжает в окрестные селения, выдавая себя за адвоката, предлагая свои услуги преимущественно крестьянскому населению. Будучи озлоблен против местной полиции, земского начальника и должностных лиц сельского и волостного управлений, подстрекает крестьян подавать на них жалобы или сам составляет и пишет таковые, включая в них клевету и оскорбительные выражения. В базарные дни Гордика всегда можно видеть вращающимся среди приезжих крестьян и предлагающего им свои услуги к написанию разных жалоб. Помимо этого, Гордик лично от себя подает в разные учреждения прошения, в большинстве случаев ябеднические и оскорбительные для должностных лиц, которые при расследовании оказываются вымышленными. Гордик по приговорам Одесской судебной палаты, Симферопольского и Таганрогского окружных судов в шести случаях осужден к разным наказаниям за оскорбление на письме должностных лиц Почтово-телеграфного ведомства, полиции, земского начальника и Волостного суда по 283 ст. Улож^{ения} о на^казаниях»,²⁰ и в производстве тех же судов имеются еще несколько дел по

¹⁹ Сваричевский В. Ходатаи // Журнал юридического общества при СПб. университете. 1897. № 3. С. 51–79 (2-я паг.). Об этом явлении в дореволюционной и советской России см. также брошюру: Исаев М. М. Подпольная адвокатура. М., 1924.

²⁰ Оскорбление должностных лиц в официальных заявлениях и жалобах каралось штрафом или кратковременным заключением.

обвинению его в клевете. Исполнение же приговоров обыкновенно затягивается отчасти подачею Гордиком апелляционных жалоб, а отчасти — в виду возбуждаемых новых дел, подлежащих рассмотрению по совокупности».²¹

Можно подумать, что характеристики эти пристрастны, однако сохранившиеся в деле заявления Гордика обнажают такую неприкрытую ненависть к властным оппонентам, что начинаешь удивляться их терпимости и объективности. Особенную неприязнь бывшего учителя заслужил Иван Андреевич (Иоганн Генрих) Янцен (1837–1901), с 1874 года ореховский городской голова. Трудно с полуторавековой дистанции судить о добросовестности провинциального мэра, но гордиковы обвинения в безудержной коррупции выглядят несколько преувеличенными, особенно если учесть происхождение Янца из меннонитов с их идеалом честного труда, а также изрядный вклад, внесенный мэром в развитие города (новые школы и больницы, дороги и мукомольные мельницы, неизменно положительный бюджетный баланс и т. п.). Похоже, что в данном случае основным мотивом для нападок было не обостренное чувство социальной справедливости, а элементарная ксенофобия — Гордик-старший не жаловал инородцев и, видимо, не мог смириться с тем, что один из них управляет русским городом.²²

В своем противостоянии с местными властями Гордик опирался не только на могущество судебной или административной ябеды (тут он как раз частенько проигрывал), но и на зарождающийся авторитет «четвертой власти». Его корреспонденции о наблюдаемых злоупотреблениях уже с 1896 года стали появляться как в местных («Новороссийский телеграф», «Салгир», «Крым»), так и в центральных газетах («Биржевые ведомости»). К сожалению, далеко не все эти публикации (и реакции на них) удалось обнаружить, но избранный Гордиком *modus operandi* в достаточной степени иллюстрируется и одним примером. Так, в августовских и сентябрьских номерах 1896 года симферопольской газеты «Крым»²³ под псевдонимом «Правдин-Сострадательный» были напечатаны корреспонденции Гордика о коррупции ореховских городских властей (написанные, надо сказать, достаточно корректно). Уже 2 октября против автора заметок и редактора газеты Н. Н. Балабухи был подан иск об оскорблении в печати городского старосты Ивана Янца и других чиновников Орехова.²⁴ Разбирательство длилось больше года, пока, наконец, 18 октября 1897 года Одесская судебная палата не отказала в удовлетворении иска, тем самым полностью оправдав ответчиков. На следующий день в газете появилась победная реляция о процессе с повторным поруганием поверженного врага.²⁵ Насколько известно, судебных претензий к печатным высказываниям Гордика-старшего ореховское начальство впредь не предъявляло,²⁶ хотя тем настойчивей преследовало его за сутяжничество.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 135. Д. 9. Ч. 13. Лит. Е. Л. 1–2.

²² Презируя немцев, армян (например, губернатора Лазарева), поляков, евреев и татар, себя Гордик причислял к «первенствующей нации», к которой относил и русских, и украинцев (своим украинством он гордился), а различия между этими «коренными» народами считал несущественными.

²³ Крым. 1896. 15 авг. № 182. С. 3–4; 11 сент. № 202. С. 3–4.

²⁴ По ст. 1039 Уложения о наказаниях это правонарушение каралось денежным взысканием или арестом от двух до шестнадцати месяцев.

²⁵ Крым. 1897. 19 окт. № 262. С. 3–4. Накануне за подписью И. К. Гордика в газете появилось стихотворение «Ручей» (№ 261. С. 2; позднее было перепечатано в сборнике «Русского чтения» № 89 за 1901 год). Возможно, это единственный сохранившийся образец оригинального художественного творчества Гордика-старшего, если, конечно, и этот опус не был позаимствован где-то на стороне.

²⁶ Позднее, в одном из своих заявлений в Литфонд, Гордик писал, что он трижды выигрывал процессы по обвинению в оскорбительных публикациях (см. приложение к статье А. С. Александро́ва). Однако никаких свидетельств в пользу этого утверждения найти не удалось, а так как

Вернемся, однако, к 1899 году, к последнему акту ореховской трагикомедии. Уже в феврале Департамент полиции затребовал и получил губернские материалы на Гордика-старшего, в марте они были рассмотрены на заседании Особого совещания при МВД, а 5 апреля министр внутренних дел И. Л. Горемыкин утвердил постановление о высылке непокорного мещанина из пределов Таврической и Екатеринославской губерний сроком на два года — «за подстрекательство крестьян к подаче кляузных жалоб и ложных доносов».²⁷ 3 мая решение было объявлено самому Гордику и, поскольку на родине возможности апелляции были исчерпаны, он отправился хлопотать в столицу. Но и здесь все усилия были напрасны: более десяти заявлений самого Гордика, коллективное ходатайство его земляков, прошение матери, поданное на высочайшее имя, — ничто не помогло, и возвращение в Орехов, даже временное, было ему окончательно воспрещено.

К концу осени он остался в Петербурге (где ему жить позволялось) практически без средств к существованию и без каких бы то ни было жизненных перспектив. В этой ситуации некоторую надежду для себя несчастный Гордик усмотрел в помощи газетчиков, которые могли бы придать делу огласку и тем самым как-то изменить печальную судьбу проигравшего кляузника. 14 ноября «борец за правду и общественные интересы» пишет длинное послание А. С. Суворину,²⁸ влиятельному издателю «Нового времени», которого полагал (судя по шовинистическим издевкам в письме) своим единомышленником и на сочувствие которого очень рассчитывал. Расчет этот оправдался лишь отчасти. Слезные моления и оправдания «невинно пострадавшего» не побудили Суворина разбираться в сомнительном деле. Не помог он и в приискании Гордику какой-либо постоянной должности. Но единовременное вспомоществование было, видимо, просителю оказано. И самое главное, Гордику — в покрытие долга — позволено было напечататься в «Новом времени». Никаких обещанных «корреспонденций» в распоряжении ореховского изгнанника, видимо, не было, и вместо них он предложил редакции, как свое сочинение, рассказ своего младшего брата, и не мечтавшего о столичной печати.

С этой публикации, появившейся в газете 18 декабря²⁹ и подписанной «И. Гордик», началась литературная карьера обоих братьев, перипетии которой подробно описаны А. С. Александровым. Нас же сейчас интересует другой сюжет: чем жил и что делал Гордик-старший в последующие полтора десятка лет, помимо литературного воровства? Можно допустить, конечно, что в поле нашего зрения попали только те его литературные аферы, которые были раскрыты, а более рутинные, мелкие мошенничества так и остались тайной для современников и потомков. Но в столичном журнальном мире после серии громких разоблачений фигура Гордика-первого стала настолько одиозной, что, пожалуй, единственным модусом, в котором он мог действовать безопасно, были бы анонимные публикации заимствованных текстов в провинциальной прессе. Уровень непрозрачности тогдашнего информационного поля мог бы способствовать успеху подобной тактики, однако найти сейчас улики такой законспирированной работы и привязать ее к определенному субъекту было бы практически невозможно. Столь же бессмысленно гадать, чем еще мог заниматься Гордик-старший в огромном столичном городе на протяжении многих лет — доступные источники не дают нам никаких указа-

все заявление полно преувеличений и подтасовок, то и обсуждаемое высказывание остается под сомнением.

²⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. № 3641. Л. 41.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 1006. Л. 1–6 об.

²⁹ Гордик И. Сон учителя // Новое время. 1899. 18 (30) дек. № 8553. С. 2–3.

ний на это, скорее показывая, что он не стремился раскрывать, чем занимается. Даже на прямые полицейские требования сообщить информацию о себе Гордик старался не отвечать. Так, например, из полицейского досье 1912 года следует, что о роде занятий Гордика дознавателям пришлось запрашивать коллег из Бердянского уезда, на что те туманно отвечали: «...якобы служит в Министерстве земледелия или у Санкт-петербургского градоначальника писцом, но точно неизвестно». Сам же Гордик, по привычке указав, что «пользуется званием учителя уездных училищ», далее был столь же энигматичен: «...должность занимаю газетного в области печати сотрудника в столичных периодических изданиях».³⁰ Единственные сведения о Гордике, которым можно более или менее доверять, это его городские адреса. Он неизменно указывал места жительства в своих письмах и заявлениях, и, как правило, они совпадают с данными справочника «Весь Петербург / Петроград». Прослеживая адреса Гордика за 17 петербургских лет, легко увидеть, что он неизменно селился на улицах, расположенных недалеко от Николаевского (Московского) вокзала (Большая Итальянская ул., д. 59, Лиговская ул., д. 25, Пушкинская ул., д. 10, Кузнечный пер., д. 21, Коломенская ул., д. 5 и 25), в 1910-е годы перемещаясь на Пески (5-я Рождественская ул., д. 47, Мытинская ул., д. 25). Судя по всему, обитал он преимущественно в дешевых меблированных комнатах, иногда меняя номера внутри одного и того же дома. Увы, не сохранилось ни дореволюционных домовых книг по этим адресам, ни архива паспортных столов в соответствующих полицейских участках, поэтому знание локации нимало не приближает нас к уточнению сферы деятельности героя.

Впрочем, складывается впечатление, что никаких определенных занятий у Гордика-старшего и не было, а жил он случайными заработками, время от времени пытаясь прибиться к какому-нибудь государственному ведомству. Известны две его попытки получить должность в министерствах финансов и внутренних дел. Сценарий этих попыток был примерно одинаков: сначала Гордик, ссылаясь на свой богатый жизненный опыт и на мнение какого-либо важного лица, обращался к министру с громким (и крайне льстивым) анонсом «секретного» реформаторского проекта; затем следовала долгая переписка с канцелярией и разными департаментами соответствующего министерства, в ходе которой Гордик настаивал на оплате своей многомесечной проектной работы и/или на зачислении в штат ведомства; ведомство постепенно теряло интерес к его расплывчатым предложениям; напоследок прожектор под предлогом «критических обстоятельств» выпрашивал 100, 50 или хотя бы 15 рублей на жизнь и, возможно, получал их в качестве отступного.³¹ Темой проектов оба раза была реформа низовых институций, управляющих сиротским

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 33. № 471. Л. 2 об., 4 об. Предмет дела — скандал, в который попал Гордик-первый в октябре 1912 года при поездке в родной Орехов (видимо, по наследственным делам). Имея бесплатный билет 3-го класса до Петербурга, выданный ему в Департаменте полиции по просьбе члена Государственного совета А. С. Стишинского, Гордик затребовал себе место во 2-м классе без оплаты разницы в тарифах. Кассир отказался выдать более дорогой билет, Гордик накричал на кассира, потом на дежурного, затем на начальника станции, страдая их мнимыми связями в столичной полиции и неминуемым увольнением. Билет новому Хлестакову выдали, но одновременно составили протокол, который через местное жандармское управление был направлен в Департамент полиции. В оправдательных записках виновник инцидента сначала хорохорился, затем каялся, а под конец, по своему обыкновению, попросил пристроить к должности и дать 50 рублей в долг. В департаменте во избежание огласки не стали давать делу ход, возместили дороге убыток в 3 рубля 27 копеек, но в досье написали, что протеже Стишинского «не оправдал доверия».

³¹ Близкие приемы применялись им и в отношениях с редакциями различных журналов и газет.

капиталом (городских сиротских судов и волостных сиротских касс). О проблемах в этой отрасли Гордик-старший писал еще Суворину в конце 1899-го, а затем детализировал в своем заявлении в Министерство финансов весной 1900 года.³² Причина такой фиксации нам неизвестна,³³ но в октябре 1906 года Гордик снова педалировал эту тему в записке, адресованной министру финансов В. Н. Коковцеву, добился у того личной аудиенции (!) и потом еще год морочил голову министерским чиновникам, пока дело не было сдано в архив.³⁴ Суть предложения (вполне утопичного) сводилась к отчуждению сиротских капиталов, находившихся в ведении органов волостного и сельского самоуправления, и передаче их в управление Минфина через специально созданную государственную банковскую структуру. По сходному сценарию проходило и общение Гордика с Земским отделом МВД в 1913–1916 годах.³⁵ Лансировал неугомонного прожектера Департамент полиции того же министерства³⁶ с подачи члена правой фракции Государственного совета А. С. Стишинского, занимавшегося, в частности, проблемами волостного и сельского самоуправления. Однако и в данном случае проект принят не был, а Гордик-старший чаемой должности не получил.

Последнее явление Гордика-старшего на исторической сцене тоже, разумеется, связано со скандалом — пусть не в «государственной», а в приватной сфере. Жанр бытовой свары не был чужд нашему герою — чего стоит хотя бы публичная стычка с пьяным брадобреем в 1911 году!³⁷ На сей раз каша заварилась в дни июльской мобилизации 1914 года, когда квартирант Гордика, призванный в армию, на прощанье устроил в квартире перепалку, сопровождаемую рукоприкладством, якобы напугав «четырех малолетних детей» хозяина.³⁸ В отместку Гордик вскрыл комнату отправленного на фронт жильца и присвоил его жалкое имущество. Однако у защитника отечества объявился доверенный дружок, который через суд потребовал вернуть стоимость похищенного имущества. Гордик отказался. Мировой судья признал правоту истца и постановил выплатить тому 50 рублей. Гордик наорал на судью. Судья выставил его из зала и за оскорбление суда приговорил к трем месяцам тюрьмы. Гордик подал жалобу в вышестоящие инстанции, обвиняя судью в грубом обращении и нарушении его, Гордика, прав. С осени 1915 года началось следствие о неправомочных действиях судьи, и к лету 1916-го окончательно выяснилось, что обвинения эти ничем не подтверждаются. Трижды Гордика пытались вызвать с помощью полиции, чтобы предъявить неприятный для него результат расследования. Трижды он писал на обороте повестки, что непременно явится, и не являлся. Последний его автограф (и последний документ

³² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 1006. Л. 3 об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 135. Д. 9. Ч. 13. Лит. Е. Л. 108–110. Минфин за ненадобностью переправил заявление в Департамент полиции МВД.

³³ Возможно, этот интерес коррелирует с сюжетом об опеке малолетнего сироты-племянника, который всплывает в нескольких письмах Гордика-старшего, но никаких доказательств тому у нас нет.

³⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. № 601 (12.10.1906 — 09.01.1908).

³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. 1913 г. № 100 (18.05.1913 — 09.1916). Первый том дела за 1913 год в архиве не сохранился, есть только документы 1915–1916 годов. Отметим, что первая записка 1915 года содержит декларацию, что немецкое землевладение в России не соответствует ее национальным интересам (к теме записки это утверждение не имело никакого отношения, но старые счета с ореховскими немцами-колонистами, подогретые военным патриотизмом, видимо, по-прежнему не давали автору покоя).

³⁶ Тесные связи Гордика-старшего с Департаментом полиции в 1910-х годах невольно внушают подозрение, что он не отказывался порой и от деликатных поручений по полицейской линии. Но следы таких профессиональных контактов пока не обнаружены.

³⁷ Петербургская газета. 1911. 18 янв. № 17. С. 5.

³⁸ Кроме заявлений самого Гордика-старшего, относящихся к 1915 году, никаких документальных улик о наличии у нашего героя семьи и детей найти не удалось.

в деле) датирован 5 сентября 1916 года.³⁹ После этой даты следы Гордика-старшего теряются навсегда.

В отличие от полуфантомного старшего брата, жизнь Гордика-второго, как уже было сказано, документирована вполне неплохо. И проследить его путь после окончания учительской карьеры (1896) не составляет особого труда.

Учителей начальной школы, посвятивших ей много лет и добровольно оставлявших педагогическую стезю, было в ту эпоху совсем немного. Но значительная часть из таких «перебежчиков» выбирала в качестве нового места службы структуры Министерства финансов. Мотивации тут очевидны — жалование. Рядовой учитель начальной школы получал 300–400 руб. в год (не считая 300 квартирных) и на премиальные доплаты рассчитывать, как правило, не мог. Жалование помощника счетовода в губернском акцизном управлении составляло 500–600 руб. (и примерно столько же столовых и квартирных). Для многолетнего Гордика-младшего, получившего подобную должность в Екатеринославе (23 августа 1896 года),⁴⁰ это означало заметное повышение уровня жизни, не говоря об изменении социального статуса — из бесправного учителя, чье положение в немалой степени зависело от сельского правления, он становился хоть и вольнонаемным, но работником государственной структуры. Служба в губернском управлении была кратковременной и, как можно догадаться, учебно-испытательной — вскоре Гордика-младшего перевели на должность конторщика Верхнеднепровского казенного винного склада (с 20 сентября 1896 года), а еще через девять месяцев (15 июня 1897 года) повысили до заведующего складами в «привисленских» губерниях (в Царстве Польском).

Здесь следует остановиться и дать необходимые разъяснения. «Казенный винный склад» — отнюдь не склад в бытовом понимании этого слова. Это большой спиртоочистительный завод, куда поступал сырой спирт с частных и казенных винокуренных заводов и где по стандартным технологиям выделялась и разливалась по бутылкам водка, которая затем поступала на продажу в подведомственную систему казенных винных лавок, а также в частные питейные заведения. Строительство и эксплуатация казенных складов производились в рамках инициированной С. Ю. Витте питейной реформы 1894 года, предусматривавшей создание государственной монополии на изготовление и продажу крепких спиртных напитков.⁴¹ Как раз в 1896–1897 годах реформа из экспериментального модуса переходила в модус регулярный — кроме четырех пилотных губерний на востоке страны, механизмы монополии заработали в двенадцати южных и западных регионах (1896), а затем и в двадцати центральных (1897). Увеличивающийся масштаб строительства, производства и сбыта требовал значительных инвестиций и огромных организационных усилий, что повлекло за собой кадровую революцию в отрасли. Казенные склады строились десятками, там были нужны умелые и честные администраторы, грамотные технологи и бухгалтеры, толковые рабочие и продавцы. Вольнонаемный персонал тщательно фильтровался; наряду с антикоррупционными процедурами и наказаниями вводилась система поощрений и социальной

³⁹ РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. № 4552.

⁴⁰ Перипетии службы Гордика-второго по питейной части известны нам из его формулярного списка 1907 года (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 44–45), а также из краткого перечисления в его открытом письме в газету «Приазовский край» (1903. 25 февр. № 52. С. 3).

⁴¹ Об организационных аспектах реформы, в первую очередь преследовавшей цель увеличения государственных доходов, см., например: Положение о казенной продаже питей / Сост. Н. И. Арефа. 3-е изд. СПб., 1898; Казенная продажа вина / Глав. управление неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.

поддержки (бесплатное медицинское обслуживание, жилищные дотации или предоставление квартир, отпуска, пенсии). Деятельность казенных складов и лавок курировалась губернскими акцизными управлениями и постоянно ревизовалась местными контрольными палатами. Сказать, что это полностью спасало от коррупции, было бы явным преувеличением, однако административная и финансовая прозрачность «казенной продажи питей» была в целом значительно выше, чем в предшествующей акцизной системе.

Казенные винные склады в каком-то смысле были институциональной и материальной базой монополии. В зависимости от объема производства и административной значимости региона штат завода-склада колебался от 100 до 300 работников (не считая продавцов и рабочих в подконтрольных винных лавках), и управлять такой сложной производственно-финансовой и логистической структурой было непросто. Заведующего складом нанимали по представлению губернского акцизного управления с последующим утверждением в Министерстве финансов. Акцизное управление определяло и размер его вознаграждения — в зависимости от разряда склада оно колебалось от 1400 до 2500 руб. в год (без учета бонусов и социальных дотаций), что разительно отличалось от нищенской зарплаты сельского учителя. Однако и ответственность была несопоставимой.

Отслужив полтора года сначала в уездном Замосце,⁴² а затем в губернском Радоме, Гордик-второй опять пошел на повышение — с 15 января 1899 года он получил должность заведующего делопроизводством Варшавского акцизного управления, которое ведало всеми казенными винными складами и лавками в губернии и отвечало за развитие монополии в регионе. Однако чисто канцелярская служба оказалась Гордику-младшему то ли не по плечу, то ли не по нраву, и через год (1 января 1900 года) мы опять видим его заведующим винным складом, на сей раз Белгородским (Курской губернии). Еще год, и хотя в прежнем статусе, но на новом месте службы — в Екатеринодаре. Такую, относительно быструю смену позиций в данном случае следует трактовать не как следствие неуживчивости или профессиональной непригодности работника, а скорей в обратном смысле — как признак компетентности и востребованности. Растущая институциональная сеть винной монополии требовала быстрого запуска новых заводов и торговых сетей, и люди, которые уже имели подобный опыт, высоко ценились.

В Екатеринодаре, крупном и богатом городе Кубанской области, Гордик-второй прослужил до 23 марта 1903 года, но на сей раз не променял службу при «казенной продаже питей» на таковую же в другом регионе, а ушел в отставку. Почему? Определенного ответа у нас, к сожалению, нет. С одной стороны, увольнение произошло вскоре после громкого разоблачения Гордика-первого в середине февраля — последовавшее публичное размежевание с братом-плагиатором (25 февраля), возможно, уже не смогло спасти репутации Гордика-второго. С другой стороны, его сослуживцы, возбужденные столичным скандалом, стали распространять слухи о том, что «личность екатеринодарского Гордика очень темная, а дела его, как заведующего, очень грязны и сомнительны»,⁴³ и нельзя исключить, что подобные сплетни в какой-то мере соответствовали реальности и даже побудили акцизное начальство обратить внимание на коррупционные схемы или иные недочеты и уволить виновника.

⁴² Любопытно, что запрос о благонадежности Гордика-младшего из Люблинского жандармского управления попал (вместе с положительной резолюцией) в то же досье Департамента полиции МВД, где уже копились компрометирующие материалы на Гордика-старшего.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 155. Журнал Литературного фонда № 8 от 31 марта 1903 года. Л. 5 об.

Эти события положили конец не только акцизной, но и литературной карьере Гордика-младшего.⁴⁴ Выпустив два тома «Детей провинции», не принесших ему ни славы, ни денег, он, насколько нам известно, больше не рисковал выступать в печати, по крайней мере под своим именем,⁴⁵ замаранным литературными аферами брата. Впрочем, не все были уверены, что плагиатором являлся именно Гордик-старший. Так, уже процитированный выше критик екатеринодарского Гордика писал, что старший брат был лишь марионеткой в руках младшего.⁴⁶ А еще через пять лет, т. е. накануне очередного разоблачения, Гордик-первый, не сказавший до того ни слова в свое оправдание, уверял правление Литературного фонда, что все плагиаты, якобы им совершенные, он делал, не ведая о коварстве брата, подсунувшего ему среди своих и чужие сочинения.⁴⁷ Версия эта лишена доказательств, и нам, пожалуй, следует держаться другой, изложенной Гордиком-вторым в его заявлениях 1903 года: в публикации оригинальных рассказов в период 1899–1902 годов братья действовали заодно (старший был своего рода литературным агентом младшего, пусть гонорары, видимо, регулярно присваивал), но ответственность за публикацию заимствованных романов лежит исключительно на Гордике-первом.

Следующий этап биографии Гордика-второго — московский. С середины ноября 1904 года он числится счетным чиновником в Контрольной палате Москвы (по найму).⁴⁸ Позиция не слишком завидная, ни по жалованью, ни по самостоятельности действий не сравнимая с его последними должностями в акцизной системе, но само возвращение на службу, да еще в контрольное ведомство означало, что пятно сомнительной отставки с его репутации смыто. Проведя два с половиной года в Контрольной палате, Гордик-старший снова поменял сферу деятельности — и возвратился в знакомый ему педагогический мир.

Летом 1907 года по решению Министерства народного просвещения в Москве была открыта 11-я казенная мужская гимназия. Штат ее формировался с нуля, открылось значительное количество учительских и вспомогательных вакансий, и на одну из них 21 августа был зачислен Гордик-второй.⁴⁹

⁴⁴ Печатная карьера Гордика-второго началась, как уже сказано, в декабре 1899 года. Но его первые литературные опыты следует отнести к более раннему времени — по крайней мере к началу 1890-х годов. А первая попытка публикации фиксируется в 1895-м, когда сочинение под названием «В пучине мира» вошло в список рукописей, отвергнутых редакцией «Русской мысли» (№ 12. С. 660).

⁴⁵ Через четверть века некий журналист З. М., автор репортажа о процессе по поводу самоубийства дочери Гордика, повторит слова из показаний отца: «Он учитель, писатель. Написал некогда книгу „Сны“ и другую „Седьмое звено“, в которой трактуются проблемы пола» (Вечерняя Москва. 1928. 14 дек. № 290. С. 3). Установить, какой текст имелся в виду в первом случае, довольно затруднительно (возможно, рассказ самого Гордика «Сон учителя»), а вот роман «Седьмое звено. Проблемы пола» существовал: в 1911 году его первая часть вышла в Москве за подписью «Иван Русанов». Уездный антураж восточной Украины, где проходила юность героя, по материалу близок к описаниям в текстах Гордика, однако основное повествование не содержит никаких примет, которые позволили бы атрибутировать ему незаконченный роман. Возможно, репортер что-то понял не так или Гордик-младший на старости лет позавидовал плагиаторским приемам старшего брата, но все же есть некоторая вероятность, что за именем Ивана Русанова и впрямь скрывался Гордик-второй. Заодно укажем, что адвокат Россельс на том же процессе упоминал стихи мистического содержания, которые писал Гордик (см. ниже, прим. 58).

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 155. Журнал Литературного фонда № 8 от 31 марта 1903 года. Л. 5.

⁴⁷ См. Приложение к статье А. С. Александрова.

⁴⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 44 (см. также: Список чинам Государственного контроля. Сост. по июль 1907 г. СПб., 1907. С. 153).

⁴⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 17. № 82. Л. 43–46. Формулярный список был составлен в канцелярии попечителя Московского учебного округа при поступлении Гордика на гимназическую службу.

Образовательный ценз не позволял ему стать полноценным преподавателем, поэтому пришлось довольствоваться должностью «помощника классных наставников». Следить за поведением учеников в школе, дома и на улице — главная обязанность педеля; он редко бывает любим гимназистами, да и учителя, хоть и пользуются его трудами, обычно не благоволят школьному надзирателю. Работы у педеля много, а вознаграждение небольшое — при вступлении в должность Гордик-второй вернулся к своему школьному окладу (300 руб. жалованья и 300 руб. квартирных в год), однако в Москве на эти деньги прожить было трудно. Похоже, впрочем, что забота о многочисленных детях Гордика уже не обременяла — к этому времени семья его жила в Бердянске и отнюдь не бедствовала.⁵⁰

Преимущества гимназической службы состояли не в жалованье, а в социальной репутации и жизненной стабильности. Поступив на государственную службу, Гордик мог со временем рассчитывать на классный чин, награды и соответствующие бонусы. Действительно, 12 ноября 1912 года он был утвержден в чине коллежского секретаря (X класс), 1 января 1913-го пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени,⁵¹ а 28 июля 1914-го произведен за выслугу лет в титулярные советники.⁵² Солидный гимназический чиновник мог себе позволить купить домик в престижной дачной местности — подмосковном Хлебникове,⁵³ вести дружбу с чистой публикой и время от времени читать наставительные лекции в Обществе любителей духовного просвещения.⁵⁴ Такой почтенной жизнью и жил титулярный советник Гордик до конца 1917 года. Более того, после падения монархии он, продолжая служить в гимназии, организовал в Хлебникове частную начальную школу, куда принимал отпрысков «приличных» соседских семей, и, очевидно, рассчитывал на процветание своего заведения.

Но надежды на лучшее не сбылись — Октябрьский переворот не обошел стороной ни 11-ю гимназию, ни богоспасаемое Хлебниково. Гимназия превратилась в советскую трудовую школу № 69, которая довольно быстро распрощалась со старорежимным педелем. А здание хлебниковской школы реквизировали новые власти, и вскоре на ее месте остались одни руины. Правда, владельцу — до времени — оставили двухэтажный жилой дом и подсобное хозяйство. Первые годы Гражданской войны Гордик провел в Хлебникове, где еще при Временном правительстве, следуя новым веяниям, сколотил общество потребителей «Народная свобода» (состоя там председателем ревизион-

⁵⁰ На свои честные или нечестные доходы Гордик купил в Бердянске два дома и виноградник (Там же. Л. 43). Старшие сыновья поступили со временем в университет, младшие дети — в гимназию. Обсуждать биографии детей Гордика здесь не время и не место; отметим только, что старший, Григорий, окончив физико-математическое отделение Московского университета (1916) и побывав на фронте, после революции вернулся на Украину; в июне 1938 года, когда он работал в Николаеве преподавателем строительного техникума, его арестовали как немецкого шпиона и 2 октября расстреляли по приговору тройки УНКВД.

⁵¹ См.: Сенатские ведомости. 1913. № 34. С. 198; Отчет о состоянии Московской XI гимназии за 1912–1913 учебный год. М., 1914. С. 94.

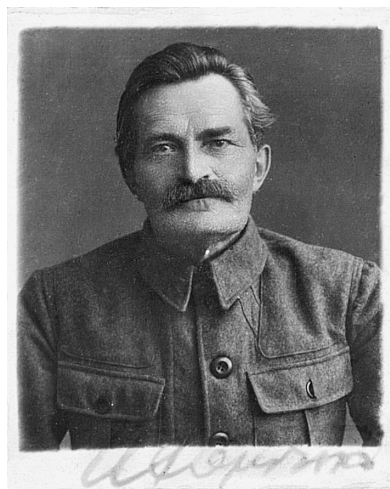
⁵² См.: Отчет о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. М., 1916. С. 33. Чин титулярного советника был высшим для чиновников со средним образованием.

⁵³ В конце 1911 года Гордик переехал из квартиры в небогатом районе около Петровского парка на дачу Каменской у станции Хлебниково Савеловской железной дороги (ныне часть г. Долгопрудного) (Вся Москва на 1912 год. М., 1912. С. 132), а в середине следующего уже купил там свой первый дом, ценою около 1500 руб. (Московские губернские ведомости. 1912. 1 авг. № 60. Приложение). К 1914 году он стал главой поселкового правления, в 1917-м — председателем волостного земского собрания (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П-79160. Т. 1. Л. 74).

⁵⁴ Ср., например, извещение о докладе Гордика «Идеализм, как основа религиозно-нравственного воспитания» (Московские церковные ведомости. 1912. 20 окт. № 43. С. 948; также см.: Там же. № 7. С. 180).

ной комиссии), а затем стал председателем поселкового совета, но в сентябре 1919-го уехал в село Слоновку под Новым Осколом... к семье. Да-да, у Гордика-второго обнаружилась новая семья, существование которой в дореволюционных документах едва намечено. Скорее всего, брак этот при старом режиме зарегистрирован не был, а между тем у Ивана Каллистратовича и Антонины Савельевны Еликовой с 1907-го по 1914 год родилось четверо детей, три девочки и мальчик.⁵⁵ Несколько лет Гордик жил с семьей в Новом Осколе и Белгороде (у жены в той округе был дом и немного земли), успешно руководил работой местного отдела «Заготоселя» (в структуре Наркомпрода РСФСР),⁵⁶ но в 1923 году остался не у дел и вернулся в Хлебниково поднимать собственное хозяйство. На первых порах сотрудничество с новой властью давалось Гордику без особого труда: он отличался организационной хваткой, умел считать деньги, обладал даром убеждения и не стремился к конфронтации с коммунистическим начальством. К тому же по происхождению он не был «социально чуждым», а по имущественному положению не слишком выделялся из своего окружения. В течение 1924–1926 годов он успел побывать и заседателем в волостном суде, и членом хлебниковского поселкового совета, но постепенно местные большевизаны стали замечать, что Гордик усиливает в совете фракцию умеренных и блокирует радикальные предложения бедноты. Вскоре он потерял свои советские посты, а в ноябре 1926 года поселковая избирательная комиссия лишила его избирательных прав, вдруг обнаружив, что живет он на «нетрудовые доходы» (сдача комнат в аренду и тайное ростовщичество). Обвинения в ростовщичестве не подтвердились, однако, несмотря на апелляции, к весне следующего года избирательные комиссии всех уровней (вплоть до центральной при ВЦИК) подтвердили первоначальный вердикт.⁵⁷

Эта поселковая социальная драма, в Совдепии ставшая уже рутинной, развивалась на фоне настоящей семейной трагедии. 8 ноября 1926 года на станции Шереметьевская Савеловской дороги бросилась под поезд средняя дочь Гордика от второго брака — Елена.⁵⁸ Девочке вскоре должно было исполниться

Ил. 1. И. К. Гордик-второй.
Белгород, 1923

⁵⁵ Последние двое — Николай и Татьяна — родились 18 декабря 1914 года (ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 780. № 4893. Л. 238), что противоречит их возрасту (13 лет), указанному в следственном деле Гордика 1930 года (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П-79160. Т. 1. Л. 74). Интересней, однако, другое. Во-первых, крестным отцом близнецов записан «ореховский мещанин И. К. Гордик 1-й», т. е. бывшие взаимные обвинения братьев были ими к этому времени забыты и прощены. Во-вторых, отец детей в метрической записи не указан, а сам обряд совершен в церкви другого уезда, в сотне верст от Хлебникова, т. е. сожительство родителей и рождение детей не только не было узаконено, но, похоже, специально скрывалось от привычного окружения Гордика-второго.

⁵⁶ См. его анкету 1923 года с фотографией (Ил. 1): РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1943. Оп. 17. № 8812. Л. 1–2.

⁵⁷ О Гордики-лишенце см. материалы ВЦИК: ГА РФ. Ф. А-5248. Оп. 3. № 576.

⁵⁸ О событиях вокруг самоубийства мы можем судить лишь по ограниченному набору источников, которые, увы, не дают ясного и полного представления о происшедшем. См.: Вечерняя Москва. 1928. 14 дек. № 290. С. 3; 1929. 18 февр. № 40. С. 3; 4 сент. № 203. С. 3; Россельс В. Л. Речь в защиту Н. О. Панкина. Самоубийство Елены Гордик // Россельс В. Л. Судебные защитительные речи. М., 1966. С. 22–44 (в реальности фамилия подзащитного — Пенкин).

15 лет, она жила с отцом одна (ее сестры и брат обитали с матерью на хуторе в Белгородском уезде), училась дома, помогала отцу по хозяйству. По отзывам соседей и подруг отличалась впечатлительностью, экзальтированностью и склонностью к выдумкам. За несколько дней до самоубийства имитировала попытку ограбления — якобы некий мужчина, пока она была дома одна, вломился в окно (второго этажа!) и требовал отдать отцовские накопления. В процессе дознания выяснилось, что никакого нападения не было, а нанесенная девочке рана — след от разбитого ею стекла. Отец, вызвавший милицию, объяснял, ссылаясь на схожий инцидент годовой давности, что девочка чего-то испугалась, спросонья выпрыгнула в окно, а остальное нафантазировала. Однако начальник волостной милиции Н. О. Пенкин стал раскручивать дело, допрашивал девочку без свидетелей и, по ее словам, вынуждал дать показания против отца, в противном случае угрожая обоим тюремным сроком; потом обманом заставил подписать ложные показания, но якобы пообещал уничтожить их, если она уступит его домогательствам. Все это известно из предсмертного письма Елены, полного обвинений в адрес Пенкина, по большей части неправдоподобных. Единственно, что можно сказать определенно, — начальник милиции подозревал Гордика в дурном обращении с дочерью и, среди прочего, в неоднократном сексуальном насилии. Чтобы подтвердить свои подозрения, он собирал свидетельства у жителей поселка и тщательно фиксировал слухи нужного ему свойства. Разрабатывая свою версию, Пенкин ставил соответствующие акценты при допросах самой девушки и даже направил ее на освидетельствование к гинекологу. Вот этот-то последний шаг, благодаря халатности его помощника, и оказался фатальным: открытый запрос оказался в руках у Елены, которая, прочтя его, составила душераздирающее послание отцу и покончила с собой.

По заявлению Гордика-отца начальника милиции и его помощника Качалова отстранили от работы, и началось долгое следствие. К середине декабря 1928 года дело по обвинению «в превышении власти, сопровождавшемся насилием» добралось до Московского губернского суда, где защищать Пенкина взялся уже известный к тому времени адвокат Владимир Львович Россельс (кстати, прообраз героя фильма «Защитник Седов», 1988). Позиция защиты, во многом опиравшейся на психиатрическую экспертизу, была проста: Елена Гордик в силу своей психологической конституции и переходного возраста была склонна к иллюзорным переживаниям, конфабуляциям, импульсивным (истероидным) и не слишком адекватным реакциям, особенно в ситуации стресса; поступки ее противоречивы, большей части ее высказываний нельзя доверять. Девочку можно и нужно пожалеть, но следует признать, что она сама довела себя до самоубийства. А если искать невольных виновников ее трагической гибели, то это ее отец, и сам живущий асоциальной жизнью, и дочь лишивший здоровой социальной среды. Вина же Пенкина и Качалова, простых советских милиционеров, которые должны были проверять все версии происшедшего, заключается лишь в том, что они послали Елену на медицинскую экспертизу, вручив ей не запечатанный, как полагается, а открытый конверт с запросом. Это ужасная бестактность, но не преступление. В результате суд снял с милиционеров обвинения в превышении власти и насилии, но признал Пенкина «виновным в том, что, не имея данных о сожительстве Елены Гордик с отцом, распорядился направить ее на освидетельствование, а Качалов — в подчинении незаконному распоряжению Пенкина. Находя, что такое нечуткое отношение работников милиции не может быть терпимо и что нет гарантии, что обвиняемые не повторят его в своей работе в будущем, Губсуд приговорил Пенкина к лишению свободы на один год, а Качалова на шесть месяцев, с запрещением занимать должности в органах милиции в те-

чение двух лет. Применяя к осужденным амнистию, суд от наказания их освободил, сняв судимость». ⁵⁹ Пенкин с Качаловым отделались легким испугом, а Гордику, поскольку в приговоре отмечалась его косвенная вина в гибели дочери, пришлось оправдываться еще несколько месяцев. И лишь в сентябре 1929 года Уголовная кассационная коллегия Верховного суда РСФСР сняла с него даже косвенные обвинения (в остальном оставив приговор Губсуда без изменений).

Злоключения Гордика-второго на этом, однако, не закончились. 28 января 1930 года его, вместе с пятнадцатью другими жителями Хлебникова, арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму. В постановлении о задержании значилось:

«Я, ст<арший> уполномоченный ОО–КРО Окротдела ОГПУ Ринкман, ⁶⁰ рассмотрев материал на контр-революционную группировку, возглавляемую ГОРДИК Иваном Калистратовичем,

НАШЕЛ:

Что в центре Коммунистического района, Москов<ского> Округа, в селе Хлебниково существует контр-революц<ионная> группировка, возглавляемая быв<шим> член<ом> Окружного суда, б<ывшим> чл<еном> Союза «Русского народа» ГОРДИК Иваном Калистратовичем, принимавшем в годы Гражданской войны активное участие в борьбе против Соввласти на стороне белых армий юго-россии <sic!>. Группировка состоит из лишенцев, кулаков, быв<ших> промышленников, быв<ших> торговцев, б<ывших> полицейских и домовладельцев.

Группировка ставит своей целью активную борьбу со всеми мероприятиями соввласти и партии в деревне путем внесения дезорганизации в работу местных работников советского аппарата, рассылкой анонимных писем отдельным ответственным работникам с угрозой применения террора, подписываясь под анонимными письмами (группа доброжелателей).

<...> ⁶¹

Принимая во внимание активную к-р. деятельность вышеперечисленных членов группировки, и руководствуясь ст. 100 УПК РСФСР —

ПОСТАНОВИЛ:

Всех вышеперечисленных гр<ажда>н арестовать и в квартирах их провести обыск». ⁶²

Следствие, которое продолжалось четыре месяца, этим обвинениям доказательности не прибавило. Наоборот, некоторые «компрометирующие факты» не подтвердились: у белых Гордик не служил, в «Союз русского народа» не вступал (хотя, возможно, и разделял его взгляды), не был он и членом «Партии народной свободы» (свидетель спутал ее с местным потребительским

⁵⁹ Вечерняя Москва. 1929. 18 февр. № 40. С. 3.

⁶⁰ О следователе Ринкмане в доступных источниках сведений не нашлось (отождествлять его с П. И. Ринкманом-Карпенко не следует). Известно, что он был по происхождению латыш и участвовал в разработке целого ряда коллективных дел 1929–1930 годов (среди его жертв, в частности, историк И. А. Голубцов и художник Н. И. Падалицын). Непосредственным начальником Ринкмана, подписавшим вместе с ним и постановление о задержании, и обвинительное заключение по делу, был Д. М. Фейгенберг (1904–1941), в 1938 году уволенный из НКВД, а в начале ВОВ погибший на фронте (рядовым).

⁶¹ Следует список подлежащих аресту, состоящий из 18 фамилий (две вычеркнуты, и в персональных ордерах эти люди тоже не упоминаются).

⁶² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П-79160. Т. 1. Л. 1. Орфография и пунктуация документа сохранены.

обществом с похожим названием). Да и сам вопрос о контрреволюционной организации завис в воздухе: по существу, в сети ОГПУ попали случайные люди, объединенные только тем, что пользовались помощью Гордика в составлении жалоб и заявлений, направленных в различные советские инстанции (о смягчении налогов, возвращении имущества, восстановлении в гражданских правах, и т. п.). Разумеется, эта деятельность (с большой нагрузкой) могла расцениваться как «подпольная адвокатура»,⁶³ однако найти здесь государственное преступление было бы затруднительно. Но, как известно, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики, — и дело об участии полутора десятков хлебниковских обывателей в антисоветском заговоре было без сучка и задоринки доведено до конца. То есть до обвинительного заключения. На этом этапе, как положено, материалы попали к окружному прокурору, который отметил, что дело в отношении одиннадцати обвиняемых следует «прекратить за отсутствием материалов»,⁶⁴ а остальное передать на «тройку», т. е. не на судебное, а на закрытое административное рассмотрение (верный знак судебной бесперспективности дела).

30 апреля 1930 года «тройка при Полномочном представительстве ОГПУ Московского округа» рассмотрела материалы на всех обвиняемых, проходящих по делу. При этом мнение прокурора было учтено лишь в малой степени: все пятнадцать⁶⁵ обвиняемых были признаны виновными по статье 58-10 УК РСФСР⁶⁶ (статья 58-11 — «организация» — в приговорах исчезла), но десятеро были из-под стражи освобождены (в наказание им засчитывался срок предварительного заключения), еще один человек был освобожден с ограничением мест дальнейшего проживания («минус»), а четверо остальных были приговорены к разным срокам высылки. Распределение приговоров показывает, что в основе решения «тройки» лежала не столько степень вовлеченности фигурантов в антисоветскую деятельность, сколько их классовая принадлежность — наказание, связанное с реальным ограничением свободы, постигло Е. С. Львова («бывшего князя и крупного промышленника»),⁶⁷ Д. С. Архангельского (бывшего белого офицера и владельца садоводства), С. В. Николаева (бывшего владельца строительного склада и восемнадцати дач). Все они подлежали высылке на три года в Северный край. Еще один приговоренный, Е. Н. Никитин, получивший «минус семь», оказался в прошлом полицейским урядником.⁶⁸ Осуществлялось не столько наказание за «преступление», сколько устранение «бывших людей», т. е. откровенная социальная чистка, чрезвычайно характерная для эпохи «великого перелома».

⁶³ Сходство с манерой общественного поведения Гордика-старшего, в свое время высланного из родной губернии за сходные проступки, бросается в глаза. Но царским властям явно не хватало последовательности — крестьян, которых обслуживал старший брат, вместе с ним не высылали.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П-79160. Т. 1. Л. 226 об. Прокурор М. В. Острогорский (1897–1972) дослужился до статуса помощника Прокурора СССР, в 1939 или 1940 году был репрессирован (детальной информации не имеется), в 1955-м реабилитирован.

⁶⁵ Из арестованных первоначально шестнадцать человек четверых освободили в процессе следствия (в том числе машинистку Гордика), но при этом арестовали еще троих.

⁶⁶ Всех осужденных по этому делу реабилитировали в 1989 году решением Прокуратуры Московской области. Справка о реабилитации Гордика датируется 29 марта.

⁶⁷ Кн. Евгений Сергеевич Львов (1896–1942), племянник премьер-министра Временного правительства кн. Г. Е. Львова, арестовывался неоднократно (и до, и после дела Гордика); в 1942 году он был расстрелян. О его репрессивной судьбе см., в частности: *Полянский Эд.* Прошлогодний снег // *Известия.* 2001. 29 марта. № 55. С. 10.

⁶⁸ Его начальника, бывшего полицейского пристава М. И. Вершинского (1871–1937), тоже арестовали по делу Гордика, но затем освободили как душевнобольного. Это не помешало расстрелять его семью годами позже.

И. К. Гордик-второй не был «классово чуждым» — мещанское происхождение и учительский бэкграунд⁶⁹ могли бы смягчить его наказание. Но он, как некогда и его старший брат, был возмутителем спокойствия волостного масштаба, точкой притяжения для всех обиженных и недовольных, и потому приговор ему был самым жестким — 10 лет концлагеря с заменой (старик — плохой работник) на такой же срок высылки в Северный край.⁷⁰ Где-то там он и исчез — бесследно.⁷¹ Пропали и его рукописи, сначала приобщенные к делу, а затем уничтоженные.

* * *

Историку, в отличие от поэта, неизбежно приходится «заниматься точками в пункте» и «верить в быль конкретного лица». ⁷² И он может лишь смиренно наблюдать, как за блестящим флером литературной игры открываются странные, страшные — и такие обыкновенные — русские судьбы.

⁶⁹ Заметим, что в анкетах и показаниях на следствии Гордик тщательно избегал говорить о своей службе в системе монополии и в контрольной палате и, разумеется, ни словом не обмолвился ни о чине, ни об ордене.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П-79160. Т. 1. Л. 231. При этом семья Гордика лишилась дома в Хлебникове — пока он находился в Бутырской тюрьме, в поселке прошло раскулачивание. Следователи сочли эту меру правильной (Там же. Л. 197).

⁷¹ Запросы в архивы ФСБ и МВД тех регионов, которые входили некогда в Севкрай, не дали положительных результатов.

⁷² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2. Спекторский. Стихотворения 1930–1959. С. 38.

Ключевые слова: фельетон, плагиат, пародия, критика, рецепция, скандал, мистификация, двойничество.

The article offers extensive historical and literary commentary on the parody by a renowned critic A. A. Izmailov *Gordik and His Sons (Not from Mickiewicz)* (1905). The parody was a response to the «literary» activities of the «plagiarizer extraordinary», Ivan Kallistratovich Gordik. Archival data and press publications are used to offer a detailed reconstruction of the audacious literary purloining of the novels by I. I. Yasinsky, G. A. Khrushchov-Sokolnikov, as well as to consider the other proven and plausible cases of illegal appropriation of texts in the early 20th century. The article gives a detailed account of the reception of the scandals and exposures linked to I. Gordik's name. The data from the Literary Fund and evidence of the contemporaries helped to prove the existence of two brothers, full namesakes: one was a plagiarizer, shamelessly using the works of his brother, the other one was a diligent amateur writer whose literary activities were cut short after the 1903 scandal. The fact makes this disastrous story unique in the history of the Russian literature.

Key words: feuilleton, plagiarism, parody, criticism, reception, scandal, mystification, doubles.

Список литературы

1. Гиппиус З. Н. Собр. соч.: В 15 т. М., 2003. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг.
2. Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010.
3. Крылов В. Н. Споры о документе, факте, вымысле и плагиате в литературе в начале XX века // Филология и культура. 2018. № 3 (53).
4. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4.
5. Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 2.

References

1. Danilova I. F. Literaturnaia skazka A. M. Remizova (1900–1920-e gody). Helsinki, 2010.
2. Gippius Z. N. Sobr. soch.: V 15 t. M., 2003. T. 7. My i oni. Literaturnyi dnevniki. Publitsistika 1899–1916 gg.
3. Iasinskii I. I. Roman moei zhizni: Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikovich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 2.
4. Krylov V. N. Spory o dokumente, fakte, vymysle i plagiate v literature v nachale XX veka // Filologiya i kul'tura. 2018. № 3 (53).
5. Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: V 4 t. M., 1960. T. 4.

Никита Глебович Охотин

независимый исследователь

Nikita Glebovich Okhotin

Independent Researcher

ORCID: 0009-0002-2506-6260

niglox49@icloud.com

ДВА ИВАНА, ИЛИ СТРАСТЬ К ТЯЖБАМ

THE TWO IVANS, OR THE PASSION FOR LITIGATION

В статье на основании архивных данных прослеживаются реальные жизненные пути двух одноименных братьев Гордиких, чьи литературные похождения вызвали шум в прессе и обвинения в широкомасштабном плагиате (1903–1909).

Ключевые слова: литературная афера, плагиат, И. К. Гордик.

Using the archival data, the article traces the real life stories of the two Gordik brothers, two namesakes; their literary escapades created quite a stir in the press and caused accusations of large-scale plagiarism (1903–1909).

Key words: literary scam, plagiarism, I. K. Gordik.

Список литературы

1. Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Київ, 2007. Т. 2.
2. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2. Спекторский. Стихотворения 1930–1959.
3. Полянский Эд. Прошлогодний снег // Известия. 2001. 29 марта. № 55.
4. Россельс В. Л. Речь в защиту Н. О. Панкина. Самоубийство Елены Гордик // Россельс В. Л. Судебные защитительные речи. М., 1966.
5. Харлан О. В. Історико-містобудівні дослідження міста Оріхова // Музейний вісник. Запоріжжя, 2018. Вип. 18.

References

1. Kharlan O. V. Istoriko-mistobudivni doslidzhennia mista Orikhova // Muzeinii visnik. Zaporizhzhia, 2018. Vip. 18.
2. Materiali z istorii Berdians'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. Kiiv, 2007. T. 2.
3. Pasternak B. L. Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2004. T. 2. Spektorskii. Stikhotvoreniia 1930–1959.
4. Polianskii Ed. Proshlogodnii sneg // Izvestiia. 2001. 29 marta. № 55.
5. Rossel's V. L. Rech' v zashchitu N. O. Pankina. Samoubiistvo Eleny Gordik // Rossel's V. L. Sudebnye zashchitel'nye rechi. M., 1966.

Дмитрий Кириллович Баранов

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Dmitrii Kirillovich Baranov

Associate Professor, Saint Petersburg State University

ORCID: 0000-0001-5517-3994

baranovdk@gmail.com

КОМПОЗИЦИЯ ПЬЕС А. В. ВАМПИЛОВА: УХОД ОТ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ?

THE COMPOSITION OF ALEXANDER VAMPILOV' PLAYS: ESCAPE FROM THE OFFICIAL SOVIET AESTHETICS?

В статье рассматривается развитие драматургии А. В. Вампилова в противопоставлении канонам официальной советской эстетики, постулаты которой нашли отражение в учебниках драматургии вампиловской эпохи, в статьях и выступлениях театральных критиков. Демонстрируется, что с каждой новой пьесой творчество Вампилова все сложнее вписать в рамки нормативного театра и все очевиднее становится сознательный отход автора от принятых драматургических норм.

Ключевые слова: А. В. Вампилов, советская драматургия, внутренний конфликт, композиционный анализ, реализм.